

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-5-552-556

ЖМУРОВ Дмитрий Витальевич,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права
и криминологии Байкальского государственного
университета (г. Иркутск),
e-mail: zdevraz@ya.ru

КРИМИНАЛЬНАЯ АФФИЛИАЦИЯ

Аннотация. В статье рассматривается комплексный подход к анализу преступного поведения через призму аффилиативных потребностей человека. Автор исследует двойственную природу криминальных деяний: с юридической точки зрения как акт деструктивного воздействия и с психолого-криминологической - как сложную систему социальных взаимодействий. Особое внимание уделяется роли аффилиативных связей в формировании преступного поведения, включая потребности в родственных, романтических и дружеских отношениях, групповой идентичности и взаимной поддержке. В работе вводится понятие криминальной аффилиации как устойчивой связи индивида с антисоциальными группами. Автор приходит к выводу, что преступное поведение нередко является способом удовлетворения базовых социально-психологических потребностей личности, что объясняет его устойчивость и высокую рецидивность.

Ключевые слова: преступное поведение, аффилиация, криминальная активность, социальные потребности, групповая идентичность, социальные взаимодействия, криминальная аффилиация.

ZHMUROV Dmitry Vitalievich,
PhD in Law, Associate Professor, Department
of Criminal Law and Criminology,
Baikal State University (Irkutsk)

CRIMINAL AFFILIATION

Annotation. The article employs a comprehensive approach to the analysis of criminal behaviour, considering it through the prism of human affiliative needs. The author conducts an investigation into the dual nature of criminal behaviour, analysing it from two distinct perspectives: firstly, from the legal standpoint as an act of destructive influence, and secondly, from the psychological and criminological viewpoints as a system of social interactions. The investigation further explores the role of affiliative ties in shaping criminal behaviour, encompassing kinship ties, romantic relationships, friendships, group identity, and mutual support. The paper introduces the concept of criminal affiliation as a stable connection of an individual with criminal groups. The author concludes that criminal behaviour is often a means of satisfying the basic socio-psychological needs of the individual, which explains the stability and recidivism of criminal behaviour.

Key words: criminal behaviour, affiliation, criminal activity, social needs, group identity, social interactions, criminal affiliation.

Преступное поведение, как и любое другое, представляет весьма сложный объект научного исследования и интерпретации [1, 2, 3]. Порой юридическая наука страдает от упрощенного понимания сторон криминального акта, воспринимая их сугубо дихотомично и излишне схематизировано. Если на пове-

денческом уровне криминальная активность обнаруживает себя в антагонистическом противостоянии сторон уголовно-наказуемого акта, то на социально-психологическом - воплощает сложный механизм реализации потребностей участников таких событий. Преступление, таким образом, оказывается не только хорошо изученной формой

причинения вреда (отношения между жертвой и преступником), но выступает проявлением *аффилиации* (в случаях коллективного криминального поведения).

Очевидно, что подобная многозначность - результат двойственного подхода к трактовке преступного поведения, включающего поверхностный (юридический) и углубленный (психолого-криминалогический) уровни анализа.

В поверхностном плане преступление видится преимущественно через призму механистического детерминизма в качестве акта деструктивного воздействия субъекта на объект посягательства. Данное воздействие может носить кинетический характер (например, применение насилия при разбое), психологический (угрозы при вымогательстве), экономический (мошеннические действия) или какой-либо другой.

Глубинный анализ позволяет рассматривать преступление в качестве системы социальных интеракций, выходящей за рамки дихотомии «преступник-жертва». В данном контексте противоправное деяние представляет собой манифестацию комплексных социальных связей, формирующихся на микро-, мезо- и макроуровнях. Так, на микроуровне могут исследоваться сложные межличностные взаимодействия в криминальных группах или уголовных парах (преступник-жертва); на мезоуровне - связи между различными преступными сообществами и субкультурами, а на макроуровне - взаимоотношения криминального мира с легальными социальными институтами. При таком подходе преступность трактуется не только как совокупность формально-запрещенных деяний, совершенных на определенной территории за определенное время, но выступает специфической формой *социальной коммуникации, инструментом установления аффилиативных связей*.

Очевидно, что относительной новизной в познании преступного поведения будет попытка изучить его через призму аффилиации. Последняя понимается как *стремление человека к взаимодействию с другими людьми и приобщению к какой-либо социальной группе* [4, 5]. Если оставить позитивный контекст этого термина, разделяемый некоторыми авторами, то желание устанавливать и поддерживать социальные отношения, является общечеловеческим. Криминальный акт, рассмотренный под таким углом зрения, может предстать не только как вредоносный поступок, но также как способ взаимодействия личности с социальной средой.

Тогда преступная деятельность перестает быть просто нарушением закона, а трансформируется в форму социального бытия, выступая способом поддержания отношений, удовлетворяю-

щих базовые потребности принадлежности и социального принятия. Аффилиация здесь выступает одним из ключевых психологических механизмов формирования и поддержания криминального поведения. Благодаря ей некоторые люди решают социально-психологические дилеммы и задачи личностного роста.

Преступная деятельность, следовательно, может порождаться различными формами аффилиативных связей. Постараемся обозначить некоторые:

- потребность в родственных отношениях. Для людей с дефицитарной потребностью в родственных связях (например, воспитывавшихся в дисфункциональных семьях или сиротских учреждениях) преступные группировки могут выполнять функцию «суррогатной семьи».

Банды, криминальные структуры и прочие антисоциальные объединения часто воспроизводят семейную иерархию и дают своим членам чувство принадлежности, защиты и лояльности, которых им не хватало в реальной семье.

Несмотря на культуральные и иные различия преступных практик, подобные отношения распространены весьма широко. Так, иерархическая структура расистской группы «Арийское братство» (Aryan Brotherhood) в США маркирует членов организации как «родную», которая объединяется в «семьи» [6]. В российской тюремной субкультуре существуют неформальные объединения взаимопомощи и поддержки заключенных, которые также именуются «семьями». Различные вариации идей семейственности прослеживаются в многообразных криминальных традициях: от объединений кровных родственников (кланы «ндрина» у Калабрийской ндрангеты) до квазисемейных структур имитирующих распределение ролей по типу «отец-дети» или «старшие-младшие братья» (японская Якудза) [7]. Китайские преступные группы, известные как триады, также эксплуатируют идею родственных отношений, где глава клана становится ритуальным родителем («Горный мастер» или «Дракон»), а его последователи – символическими детьми («братьями» или «монахами») [8];

- потребность в романтических отношениях, опосредованная желанием иметь рядом близкого и любимого человека, способна детерминировать совершение преступлений.

С одной стороны, стремление привлечь и удержать партнера провоцирует людей на противоправные действия (для обеспечения материальных ресурсов, необходимых развитию отношений; ради укрепления обоюдных интимных связей и повышения созавимости или с целью произвести впечатление на противоположный пол).

С другой стороны, патологическая ревность, страх потери партнера и нездоровые способы контроля нередко приводят к криминальному насилию. Нежелание принять отказ или прекращение отношений не раз побуждало людей к различным формам преследования и кибершантажа.

Иногда совместное участие в криминальной деятельности может расцениваться как форма интимной близости. *Романтический соучастник* (romantic co-offending) - это специальный криминологический термин, который описывает ситуации, когда сексуальные партнеры вместе реализуют преступные намерения [9]. В своем патологизованном виде данная потребность выражается в *гибристофилии*, т.е. влечении к лицам, нарушающим социальные нормы. При этом человек испытывает сексуальное влечение к тем, кто совершил тяжкие или резонансные преступления. Некоторые психологи и биологи заявляют, что главная причина гибристофилии – присущая женщинам биологическая тяга к доминантным мужчинам [10]. Серийные убийцы Рамирез, Банди и Дамер буквально купались в женской любви и обожании. «Я получила твое письмо и перечитывала его раз за разом. Целовала и прижимала к груди. Плакала. Я просто не могу больше это переносить — так сильно я люблю тебя». «Мне так жаль твои кудряшки! Они такие милые. Мне так нравится твоя внешность! Ты красавец. У тебя такие руки, такие глаза». «Я люблю тебя... и никогда не забуду душевную щедрость, с которой ты ответил на мое письмо. Я буду любить тебя вечно». Это цитаты из писем, отправленных Теду Банди (более 30 убитых и изнасилованных женщин) [10];

- **потребность в дружеской и эмоциональной привязанности**, а также дефектные способы ее удовлетворения способны оказывать стимулирующее воздействие на индивидуальную криминальную активность.

Человек, испытывающий острую необходимость в принятии и принадлежности, становится особенно уязвимым перед групповым давлением. В стремлении обрести эмоциональную связь он может соглашаться на совершение противоправных действий ради одобрения со стороны группы или доказательства собственной лояльности.

Нарушение закона иногда может расцениваться как специфический способ укрепления групповой сплоченности, например, ритуал, фиксирующий групповую идентичность или опыт, создающий особую эмоциональную связь между участниками («кровь на руках»).

Проявления конформизма в криминальном поведении (совершение уголовно-наказуемых деяний «за компанию», «по примеру других») часто строятся на принципах удовлетворения вышеуказанной потребности. Общеизвестным

считается факт, что в малых преступных группах (численностью до 4 человек), как правило, доминируют межличностные отношения. В таких образованиях отмечается высокий уровень эмоциональных контактов, при которых более откровенно осуществляется обмен мнениями, предложениями, сомнениями, чувствами и сокровенными мыслями [11];

- **потребность в групповой идентичности и принадлежности к культурной общности** с совместным происхождением, традициями и ценностями (этнические, идеологические или террористические преступные группы). Необходимость принадлежать к большим группам или культурной общности - фундаментальная характеристика человека, которая при определенных условиях может являться катализатором преступного поведения. Стремление быть принятым такой группой вынуждает индивида подчиняться групповым нормам, даже если они противоречат закону. Классические эксперименты С. Аша и С. Милгрэма убедительно продемонстрировали, что люди часто действуют вопреки собственным ценностям, если того требует группа.

Этническая идентичность, отраженная в тождественности культурных особенностей индивидов, может быть фактором объединения людей, в том числе реализующих противоправное поведение. Это обусловлено общими ценностями, приоритетами, взглядами и жизненными позициями [12]. Потребность в идейной идентичности нередко способствует совершению преступлений, например, через формирование т.н. *идеологического мотива*. В этом случае преступление становится не просто средством реализации идеи, а своего рода «миссией», осуществляемой от имени определенной общности [13]. Вспоминая геноцид в Руанде (1994), ставший причиной смерти более чем 80 тысяч человек, можно отметить, что в этом ужасающем событии представители народности хуту, составлявшие большинство населения, систематически истребляли представителей народности тутси. Пропаганда, разжигавшая межэтническую ненависть, представляла тутси как угрозу для хуту, призывая к их уничтожению. Многие хуту, движимые страхом, чувством коллективной ответственности и желанием защитить свою группу, участвовали в убийствах, даже если до этого не испытывали к тутси никакой вражды. Принадлежность к группе хуту и давление со стороны других членов общины стали решающими факторами, заставившими людей преступить моральные границы [14].

- **потребность во взаимной поддержке** не раз становилось элементом криминальной мотивации. Отмечается, что участники преступных групп оказывают психологическую помощь

друг другу, благодаря чему они чувствуют себя более уверенно и комфортно [15,16,17]. Следовательно, соучастие помимо взаимной выгоды и прагматизма (получение прибыли, контроль территории или доступ к ресурсам) решает вопросы взаимной терапевтической поддержки, основанной на коллективной преступной деятельности.

Желательно понимать, что вышеперечисленные типы аффилиативных отношений не являются взаимоисключающими. В реальной жизни они часто переплетаются и дополняют друг друга, создавая сложную и динамичную систему связей в таких группах.

Итак, важно отметить, что как это ни парадоксально, но именно благородные человеческие стремления - быть принятым, найти себя, принадлежать к культурной традиции - могут в определенных обстоятельствах становиться мотивационной основой для преступной активности, особенно когда групповая идентичность формируется вокруг девиантных или антисоциальных ценностей. Это еще раз подчеркивает мысль о том, что преступное поведение решает для личности ряд куда более сложных задач, помимо поверхностного обогащения или удовлетворения физиологических желаний. Криминальность как феномен оказывается включенной в круг реализации социально-психологических потребностей личности. В этом смысле устойчивость, рецидивность и неисправимость многих преступников демонстрирует более глубокие психологические предпосылки, не объясняясь рациональными категориями или идеями прагматизма.

В контексте настоящей статьи, целесообразно указать на существование специфического явления *криминальной аффилиации*. Это устойчивая связь индивида с одной или несколькими криминальными группами или организациями, независимо от его непосредственного участия в конкретных преступных деяниях. Она проявляется в наличии общих целей, интересов, взаимодействия, поддержке или содействии деятельности таких групп. Эта связь может быть формальной (членство в организации) или неформальной (регулярные контакты, финансовая поддержка), но всегда должна выходить за рамки случайных или поверхностных взаимоотношений. Происходит это неспроста. Реализация аффилиативных потребностей решает для личности несколько важных задач: помогает преодолеть чувство одиночества и социальной изоляции; снижает тревожность, поскольку позволяет разделять свои переживания с другими; способствует формированию позитивной самооценки и уверенности в себе через принятие и одобрение со стороны значимых других.

Список литературы:

- [1] Фадеев В.Н. Замыслы и намерения как новый предмет внимания в криминологии и юриспруденции // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 3(15). С. 306-320
- [2] Московцев А.Ф., Суходолов А.П. Методологические тупики современной криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 2 (14). С. 177-192
- [3] Номоконов В.А. Парадигмы современной криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2023. № 3 (17). С. 213-224
- [4] Карпов А. Психология менеджмента. М. Гардарики. 2005.
- [5] Психология общения: энциклопедический словарь / Учреждение Российской акад. образования Психологический ин-т; под общ. ред. А. А. Бодалева. - М.: Когито-Центр, 2011. 598 С.
- [6] Aryan Brotherhood. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Aryan_Brotherhood (дата обращения 03.04.2025).
- [7] Якудза - кто они? URL: Источник: <https://viewout.ru/news/yakuza/2012-02-18-44> (дата обращения 03.04.2025).
- [8] Константинов А. Триады: миф или реальность? // Гудок. URL: <https://gudok.ru/newspaper/?ID=752397> (дата обращения 03.04.2025).
- [9] Barlow C., Weare S. Women as co-offenders: Pathways into crime and offending motivations. The Howard journal of criminal justice. 2019 No, 58 (1). pp. 86-103
- [10] Гранатштейн М. Мама, я жулика люблю: эволюционные корни тяги к рисковому парням, преступникам, социопатам и донжуанам // Журнал «Нож». URL: <https://knife.media/hybristophilia/> (дата обращения 03.04.2025).
- [11] Пастушеня А.Н. Криминальная психология. Учебно-методическое пособие. Мн., 2007.
- [12] Арутюнов А. С., Касьяненко М. А. Особенности возникновения преступности по признаку этнической идентичности / // Современное право. 2008. № 5. С. 80-81
- [13] Специфика мотивации личности экстремиста, террориста. URL: <https://alldetectives.ru/ort/transformatiya-lichnosti-ot-radikala-do-terrorista/spetsifika-motivatsii-lichnosti-ekstremista-terrorista.html> (дата обращения 03.04.2025).
- [14] Элез А.Й. К вопросу об оценке геноцида 1994 г. в Руанде // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2021. № 1 (30). С. 35-43
- [15] Юшкова Т.А., Терехова К.А. Психологические особенности современной групповой преступности // Экономика и социум. 2016. № 12-3 (31). С. 1095-1099.

[16] Кен С.К. Экспертиза социально-психологических особенностей членов преступной группы и их роли в преступлении // «Организация работы с молодежью». 2019. № 1. С. 6.

[17] Психология групповой и организованной преступности. URL: https://psyera.ru/psihologiya-gruppovoy-i-organizovannoy-prestupnosti_12137.htm (дата обращения 03.04.2025).

Spisok literatury:

[1] Fadeev V.N. Zamysly i namereniya kak novyy predmet vnimaniya v kriminologii i yurisprudencii // Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal. 2021. № 3(15). S. 306-320

[2] Moskovcev A.F., Suhodolov A.P. Metodologicheskie tupiki sovremennoj kriminologii // Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal. 2020. № 2 (14). S. 177-192

[3] Nomokonov V.A. Paradigmy sovremennoj kriminologii // Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal. 2023. № 3 (17). S. 213-224

[4] Karpov A. Psihologiya menedzhmenta. M. Gardariki. 2005.

[5] Psihologiya obshcheniya: enciklopedicheskij slovar' / Uchrezhdenie Rossijskoj akad. obrazovaniya Psihologicheskij in-t; pod obshch. red. A. A. Bodaleva. - M.: Kogito-Centr, 2011. 598 С.

[6] Aryan Brotherhood. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Aryan_Brotherhood (дата обращения 03.04.2025).

[7] YAkudza - kto oni? URL: Istochnik: <https://viewout.ru/news/yakuza/2012-02-18-44> (дата обращения 03.04.2025).

[8] Konstantinov A. Triady: mif ili real'nost'? // Gudok. URL: <https://gudok.ru/newspaper/?ID=752397> (дата обращения 03.04.2025).

[9] Barlow C., Weare S. Women as co-offenders: Pathways into crime and offending motivations. The Howard journal of criminal justice. 2019 No, 58 (1). pp. 86-103

[10] Granatshtejn M. Mama, ya zhulika lyublyu: evolyucionnye korni tyagi k risiko-vym parnyam, prestupnikam, sociopatam i donzhuanam // ZHurnal «Nozh». URL: <https://knife.media/hybristophilia/> (дата обращения 03.04.2025).

[11] Pastushenya A.N. Kriminal'naya psihologiya. Uchebno-metodicheskoe posobie. Mn., 2007.

[12] Arutyunov A. S., Kas'yanenko M. A. Osobennosti vozniknoveniya prestupnosti po priznaku etnicheskoy identichnosti / // Sovremennoe pravo. 2008. № 5. S. 80-81

[13] Specifika motivacii lichnosti ekstremista, terrorista. URL: <https://alldetectives.ru/ort/transformatiya-lichnosti-ot-radikala-do-terrorista/spetsifika-motivatsii-lichnosti-ekstremista-terrorista.html> (дата обращения 03.04.2025).

[14] Elez A.J. K voprosu ob ocenke genocida 1994 g. v Ruande // Vestnik Universiteta mirovyh civilizacij. 2021. № 1 (30). S. 35-43

[15] YUshkova T.A., Terekhova K.A. Psihologicheskie osobennosti sovremennoj gruppovoy prestupnosti // Ekonomika i socium. 2016. № 12-3 (31). S. 1095-1099.

[16] Ken S.K. Ekspertiza social'no-psihologicheskikh osobennostej chlenov prestupnoj grupy i ih roli v prestuplenii // «Organizaciya raboty s molodezh'yu». 2019. № 1. S. 6.

[17] Psihologiya gruppovoy i organizovannoy prestupnosti. URL: https://psyera.ru/psihologiya-gruppovoy-i-organizovannoy-prestupnosti_12137.htm (дата обращения 03.04.2025).

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.